

Строительство НКВД № 211 и исправительно-трудовой лагерь: по обе стороны колючей проволоки

После создания 25 апреля 1930 г. Управления лагерей ОГПУ (УЛАГ ОГПУ), менее чем через год получившего статус главного управления (ГУЛАГ ОГПУ)¹, на территории Украинской Советской Социалистической Республики (УССР) до 1938 г. исправительно-трудовых лагерей, находящихся в его подчинении, не существовало. В республике действовало множество тюрем и исправительно-трудовых колоний, где содержались в основном уголовные и малолетние преступники. До 1935 г. эти учреждения подчинялись наркомату юстиции УССР, а затем перешли под руководство специально созданных Управления мест заключения (УМЗ) НКВД УССР и отдела мест заключений (ОМЗ) областных Управлений НКВД (УНКВД). И только 4 сентября 1938 г. приказом НКВД СССР № 0170 на территории УССР были организованы 2 исправительно-трудовых лагеря, подчинявшихся непосредственно ГУЛАГ НКВД СССР: строительство 210 и исправительно-трудовой лагерь (строительство дороги стратегического значения Черкассы–Котюжаны) и строительство 211 и исправительно-трудовой лагерь (строительство стратегической дороги Емильчено-Могилёв-Подольский)².

Причины создания лагеря

Поскольку решение о создании лагерей в УССР совпало по времени с „судетским кризисом“, закончившимся оккупацией Чехословакии, то можно предположить,

¹ М.Б. Смирнов, С.П. Сигачев, Д.В. Шкапов, *Система мест заключения в СССР 1929–1960*, [w:] *Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960. Справочник*, сост. М.Б. Смирнов, Москва 1998, с. 27.

² *Система исправительно-трудовых...*, с. 414.

что советское руководство, в рамках подготовки к грядущей войне, форсировало строительство дорог вблизи своих западных границ.

Строительство дорог в СССР в то время уже осуществлялось НКВД, которому постановлением ЦИК и СНК СССР от 28 октября 1935 г. было передано Центральное управление шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта (ЦУДОР-ТРАНС)³. Последнее 4 марта 1936 г. было реорганизовано в Главное управление шоссейных дорог (ГУШОСДОР) НКВД, в котором было сосредоточено все автодорожное хозяйство страны: строительство, ремонт и эксплуатация дорог общесоюзного, республиканского, краевого и областного значения (по списку, утвержденному СНК СССР), контроль за дорожным строительством райисполкомов. На местах, в том числе и в НКВД УССР, были организованы управления шоссейных дорог (УШОСДОРы), а в областных УНКВД – отделы шоссейных дорог (ОШОСДОРы). Использование заключенных на автодорожном строительстве началось сразу после передачи ЦУДОРТРАНСа в НКВД⁴. Кроме заключенных ГУШОСДОРу постановлением ЦИК и СНК СССР от 3 марта 1936 г. разрешалось привлекать сельское население „на условиях непосредственного бесплатного личного труда” в течение шести дней в году в два срока – весной и осенью (в свободное от сельскохозяйственных работ время)⁵.

В апреле 1938 г. ГУШОСДОР был реорганизован⁶. На него были возложены строительство, реконструкция и управление дорогами только общесоюзного значения⁷. Согласно приказу НКВД № 00557 от 23 августа 1938 г., ГУШОСДОРом развернуто строительство „важнейших оборонных дорог в Киевском военном округе”⁸.

Для исполнения этого приказа 20 сентября 1938 г. была направлена на руководство строительством новых шоссейных дорог вблизи советско-польской границы группа ответственных сотрудников НКВД УССР:

- начальником управления строительства дороги № 1 Белая Церковь–Казатин был назначен старший лейтенант государственной безопасности Арон Исаакович Душник (с должности заместителя начальника Днепровского речного отдела НКВД УССР);
- начальником управления строительства дороги № 2 Казатин–Любар – старший лейтенант государственной безопасности Александр Михайлович Злобинский с должности начальника 7-го отдела (оборонная промышленность) 1-го Управления (государственной безопасности) НКВД УССР;
- начальником управления строительства Новоград-Волынского узла и дороги Житомир–Новоград Волынский – старший лейтенант государственной безопасности Лазарь Наумович Ширин (с должности начальника отдела мест заключений УНКВД по Винницкой области);

³ „Правда”, 29 X 1935.

⁴ С.В. Кривенко, *Главное управление шоссейных дорог НКВД-МВД СССР (ГУШОСДОР)*, [w:] *Система исправительно-трудовых...*, с. 121.

⁵ „Правда”, 4 III 1936.

⁶ Архив Главного управления внутренних дел Украины в Харьковской области (АГУВДУХО), Коллекция документов, Приказ НКВД СССР № 289 от 29 апреля 1938 г. и № 289 от 29 апреля 1938 г.

⁷ С.В. Кривенко, *Главное управление шоссейных...*, с. 122.

⁸ Там же.

- заместителем начальника управления строительства Новоград-Волынского узла и дороги Житомир–Новоград Волынский – лейтенант государственной безопасности Борис Вениаминович Хват с должности оперуполномоченного 4-го (секретно-политического) отдела 1-го Управления НКВД УССР;
- начальником строительства Житомирского узла – заместитель начальника Отдела по борьбе с расхищениями социалистической собственности НКВД УССР лейтенант государственной безопасности Борис Маркович Гольдштейн⁹.

С одной стороны, переброска чекистов на руководство строительством шоссейных дорог говорила о том большом значении, которое предавали в СССР их строительству; с другой, о том, что новые „дорожные начальники” утратили доверие руководства органов госбезопасности. Поскольку все пять выше названных чекистов были евреями по национальности, то, с полной уверенностью можно утверждать, что они стали жертвами антисемитской политики наркома внутренних дел УССР комиссара государственной безопасности 3-го ранга Александра Ивановича Успенского, убиравшего евреев с работы в структурах госбезопасности¹⁰.

Строительство № 211 и исправительно-трудовой лагерь

Строительство № 211 и ИТЛ начало организовываться 4 сентября 1938 г. и было закончено 31 декабря 1940 г. Оно находилось в подчинении вначале ГУЛАГ НКВД СССР, а с 4 января 1940 г. – Главного управления железнодорожного строительства (ГУЖДС) НКВД СССР. В его задачу входило строительство стратегической дороги Емильчино (районный центр Житомирской области) – Могилёв-Подольский (районный центр Винницкой области). Административный центр строительства и лагеря находился в селе Стрижавка Винницкого района Винницкой области. Количество заключенных в лагере приведено в таблице.

Таблица 1¹¹. Количество заключенных на строительстве № 211 и в ИТЛ

	1 I 1939	1 I 1940	1 VII 1940	1 I 1941	1 IV 1941
Число заключенных	1911	5489	6576	2188	33

Стрижавка – село в Винницком районе Винницкой области, расположенное на левом скалистом берегу Южного Буга в 3-х километрах от современной Винницы. С севера и северо-запада село окружают значительные массивы смешанных лесов. Образовано оно в 1932 г. путём слияния 2-х старинных сёл Стрижавка и Слобода Стрижавская. Местный колхоз имени XVII партконференции ВКП(б) был одним из самых передовых в Винницкой области. В селе действовала моторно-тракторная

⁹ АГУВДУХО, Коллекция документов, Приказ НКВД СССР по личному составу № 2163 от 20 сентября 1938 г.

¹⁰ В.А. Золотарьов, *Олександр Успенський: особа, час, оточення*, Харків 2004, с. 195–199.

¹¹ Таблица составлена по материалам: С.В. Кривенко, *Строительство 211 и ИТЛ, [w:] Система исправительно-трудовых ...*, с. 214.

станция. Стрижавка прославилась в истории Второй мировой войны тем, что в непосредственной близости от неё в 1942–1943 гг. находилась ставка Гитлера „Вервольф“, которую он посещал минимум 3 раза. На её строительстве, начиная с осени 1941 г., работало свыше 14 тыс. военнопленных (кроме советских, тут были поляки, чехи и норвежцы). С 1956 г. в селе функционирует Стрижавская исправительная колония № 81. Следует отметить, что в большинстве современных публикаций, посвященных Стрижавке, отсутствуют данные о её ГУЛАГовском прошлом.

За время существования строительства № 211 и ИТЛ его возглавляло три человека¹², биографии которых ещё не были предметом специального исследования.

Начальник строительства № 211 и ИТЛ М.В. Конрадов

4 сентября 1938 г. начальником строительства № 211 и ИТЛ был назначен старший лейтенант государственной безопасности Михаил Вениаминович Конрадов (с должности начальника отдела трудовых колоний ГУЛАГ НКВД СССР)¹³. Он родился в 1898 в Одессе в еврейской семье. Получил среднее образование. Член ВКП(б) с 1930 г. С 1920 г. служил в органах коммунистической госбезопасности: в 1930–1931 гг. – начальник административно-организационного управления полпредства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю в Иркутске; в 1931–1932 гг. – начальник отдела специальных поселений полпредства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю в Иркутске; 20 декабря 1932 г., будучи помощником начальника отдела связи ОГПУ СССР, в честь пятнадцатилетия органов ВЧК-ГПУ был награждён знаком почетного чекиста¹⁴. 29 ноября 1936 г. с должности начальника Водно-транспортного отдела ГУГБ НКВД Московско-Окского бассейна Конрадов был назначен начальником отдела трудовых колоний ГУЛАГ НКВД СССР¹⁵. 15 апреля 1937 г. приказом Административно-хозяйственного управления НКВД СССР была объявлена новая штатная расстановка личного состава Главного управления исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения НКВД СССР, согласно которой, Конрадов возглавлял не только отдел трудовых поселений, в штате которого было 8 человек, но и отдел общего снабжения, в котором работало 37 человек¹⁶.

Чем был вызван перевод Конрадова из Москвы в провинциальную Винницу, точно неизвестно, но скорей всего из-за утраты „политического доверия“ начальника ГУЛАГ НКВД СССР дивизионного интенданта Израиля Израилевича Плинера (1896–1939), заявившего на совещании в августе 1938 г.: „До прихода Николая Ивановича Ежова, к комплектации кадров нашей системы подходили по-вражески, давали нам всякую сволочь, иногда фиксировали: из органов уволить, направить на работу в систему ГУЛАГа, иногда и без этих оговорок“¹⁷.

¹² С.В. Кривенко, *Строительство 211 и ИТЛ...*, с. 215.

¹³ АГУВДУХО, Коллекция документов, Приказ НКВД СССР по личному составу № 0170 от 4 сентября 1938 г.

¹⁴ Там же, Приказ ОГПУ СССР по личному составу № 1179/с от 20 декабря 1932 г.

¹⁵ Там же, Приказ НКВД СССР по личному составу № 1150 от 29 ноября 1936 г.

¹⁶ Там же, Приказ АХУ НКВД СССР № 109 от 15 апреля 1937 г.

¹⁷ Н.Г. Сысоев, *Жандармы и чекисты: от Бенкендорфа до Ягоды*, Москва 2002, с. 183.

Вскоре после ареста „бдительного” И.И. Плинера, 7 января 1939 г. М.В. Конрадов был отозван в распоряжение отдела кадров НКВД СССР¹⁸, возвращён на работу в центральный аппарат ГУЛАГ на прежнюю должность и уже через четыре месяца повышен в звании до капитана государственной безопасности¹⁹. В августе 1941 г. он был назначен заместителем начальника отдела спецпереселений НКВД СССР, осуществлявшего „разработку мероприятий по переселению жителей СССР немецкой национальности в глубинные районы для расселения их и трудового устройства”. Положение об этом отделе было подписано 1 сентября 1941 г. М.В. Конрадовым²⁰, и уже через десять дней он рапортовал о выселении 63 тыс. советских граждан немецкой национальности из Крымской АССР в Орджоникидзевский край и Ростовскую область²¹. После 2-й мировой войны работал начальником спецотдела 2-го Управления северо-восточных исправительно-трудовых лагерей. В 1954 г. подполковника М.В. Конрадова отправили на пенсию. Это было время чистки силовых органов от „нарушителей социалистической законности, приспешников Берии и безродных космополитов”. К какой категории он был причислен, неизвестно. Умер в 1973 г.²²

Начальник строительства № 211 и ИТЛ А.Г. Бережков

7 января 1939 г. начальником строительства № 211 и ИТЛ был назначен капитан государственной безопасности Александр Георгиевич Бережков²³ – зловещая фигура в польской истории, поскольку в 1940 г., будучи начальником Старобельского лагеря, принимал участие в операции по „разгрузке” лагеря от польских военнопленных²⁴.

Бережков родился в феврале 1885 г. в деревне Полеши Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии в семье крестьянина-бедняка. Русский. Образование: окончил в 1898 г. церковно-приходскую школу в Пелеши, 2 класса народного училища и технические курсы железнодорожников в 1915 г. Член ВКП(б) с августа 1918 г. С апреля 1900 г. – рабочий шоколадной фабрики М. Конрада в Санкт-Петербурге; с мая 1901 г. – рабочий шоколадной фабрики Жоржа Бормана в Санкт-Петербурге; в мае 1906 – декабре 1909 г. – солдат и старший писарь 101-го пехотного полка в Гродно; с января 1910 г. – отметчик фабрики Жоржа Бормана в Санкт-Петербурге; с июля 1914 г. – старший писарь призывного пункта в Петрограде; с октября 1914 г. – конторщик в Управлении эксплуатации станции Сортировочная Николаевской железной дороги в Петрограде; с 1916 г. – помощник начальника станции Фарфоровый пост в Петрограде.

¹⁸ АГУВДУХО, Коллекция документов, Приказ НКВД СССР по личному составу № 38 от 7 января 1939 г.

¹⁹ Там же, Приказ НКВД СССР по личному составу № 552 от 22 апреля 1939 г.

²⁰ Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ 1917–1991. Справочник, ред. А.Н. Яковлев; авторы сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров, Москва 2003, с. 617.

²¹ История сталинского ГУЛАГа, т. 1: Массовые репрессии в СССР, отв. редактор Н. Верт, С.В. Мироненко, отв. сост. И.А. Зюзина, Москва 2004, с. 461.

²² Лубянка: Органы..., с. 741.

²³ АГУВДУХО, Коллекция документов, Приказ НКВД СССР по личному составу № 38 от 7 января 1939 г.

²⁴ Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы, ред. Р.Г. Пихон, А. Гейштора, Москва 1999, с. 441.

Карьеру в органах госбезопасности Бережков начал 6 февраля 1920 г. уполномоченным отделения районной транспортной ЧК Николаевской железной дороги в Петрограде, и уже 19 июля 1921 г. он возглавил дорожно-транспортную ЧК этой же железной дороги. В мае 1922 г. – мае 1924 г. работал начальником линейного окружного транспортного отдела ГПУ в Ростове-на-Дону, где в 1923 г. был обвинен по статьям 105 (злоупотребление властью) и 109 (дискредитация власти) УК РСФСР, но дело Коллегии ОГПУ было прекращено. На карьере Бережкова это не сказалось, и с апреля 1924 г. он – помощник начальника дорожно-транспортного отдела ГПУ Северной железной дороги в Москве; с 20 мая 1929 г. – начальник Дорожно-транспортного отдела (ДТО) ОГПУ Пермской железной дороги в Свердловске; с 27 мая 1931 г. – старший инспектор транспортного отдела ОГПУ СССР; с 25 ноября 1931 г. начальник ДТО ОГПУ Юго-Западной железной дороги в Киеве; с 1 апреля 1933 г. – в резерве отдела кадров ОГПУ СССР; с 23 апреля 1933 г. – заместитель начальника ДТО ОГПУ Московско-Белорусско-Балтийской железной дороги в Москве; с 22 ноября 1934 г. – начальник ДТО ГУГБ НКВД Юго-Восточной железной дороги в Воронеже; с 1 октября 1935 г. – старший инспектор транспортного отдела ГУГБ НКВД СССР²⁵; с 14 января 1936 г. – начальник транспортного отдела УГБ УНКВД Кировского края²⁶, с 27 сентября 1936 г. – начальник Воткинского городского отдела НКВД Удмуртской АССР²⁷, 20 апреля 1937 г. – отозван в распоряжение отдела кадров УНКВД Ивановской области²⁸, с 3 июня 1937 г. – инспектор при руководстве УНКВД Ивановской области²⁹, с 9 сентября 1937 г. – начальник 11-го (водного) отдела УГБ УНКВД Ивановской области³⁰, с 2 марта 1938 г. – начальник отдела кадров УНКВД Ивановской области³¹, с 28 мая 1938 г. – помощник начальника УНКВД Ивановской области³².

Перевод на работу в ГУЛАГ был обычным для того времени проявлением недоверия со стороны нового руководства НКВД СССР. Бережков работал под непосредственным руководством многих чекистов, оказавшихся впоследствии врагами народа: начальник УНКВД по Кировскому краю – старший майор государственной безопасности Ошер Осипович Абугов³³; начальники УНКВД по Ивановской области – комиссар государственной безопасности 3-го ранга Владимир Андреевич Стырне³⁴ и старший майор государственной безопасности Александр Павлович Радзивилловский³⁵. На должности начальника строительства 211 Бережков проработал недолго – 3-й (опер-чекистский) отдел проинформировал руководство о том, что начальник

²⁵ Российский государственный архив современной политической истории (РГАСПИ), Регистрационный бланк члена ВКП(б) № 0080583.

²⁶ АГУВДУХО, Коллекция документов, Приказ НКВД СССР по личному составу № 32 от 14 января 1936 г.

²⁷ Там же, Приказ НКВД СССР по личному составу № 418 от 27 сентября 1936 г.

²⁸ Там же, Приказ НКВД СССР по личному составу № 552 от 20 апреля 1937 г.

²⁹ Там же, Приказ НКВД СССР по личному составу № 903 от 3 июня 1937 г.

³⁰ Там же, Приказ НКВД СССР по личному составу № 1630 от 9 сентября 1937 г.

³¹ Там же, Приказ НКВД СССР по личному составу № 500 от 2 марта 1938 г.

³² Там же, Приказ НКВД СССР по личному составу № 1295 от 27 сентября 1938 г.

³³ Н.В. Петров, К.В. Скоркин, *Кто руководил НКВД, 1934–1941. Справочник*, Москва 1999, с. 81.

³⁴ Там же, с. 398.

³⁵ Там же, с. 352.

строительства „провалил подготовительную работу”,³⁶ и уже 26 апреля 1939 г. тот был снят с работы и отозван в распоряжение отдела кадров НКВД СССР³⁷.

С 19 сентября 1939 г. Бережков был начальником Старобельского лагеря Управления по делам военнопленных и интернированных (УВПИ) НКВД в Ворошиловградской области; с 14 ноября 1942 г. – начальником Монетно-Лосиновского лагеря (для немецких военнопленных) № 84 УВПИ НКВД, города Асбест Свердловской области; с 24 февраля 1943 г. – начальник Управления Свердловских лагерей для военнопленных УВПИ НКВД; с 10 июля 1943 г. находился в распоряжении отдела кадров НКВД СССР; с 30 сентября 1943 г. работал в УНКВД Московской области (в 1943–1945 гг. – начальник управления спецлагеря № 0201 в городе Люберцы, в 1945–1946 гг. – начальник управления лагеря НКВД № 0334 в посёлке Серебряный Бор); с 1 июня 1946 г. – заместитель начальника управления Спецстроя г. Москвы по проверочно-фильтрационным лагерям. 11 ноября 1946 г. в звании полковника государственной безопасности уволен на пенсию по состоянию здоровья. За время службы в ВЧК-ОГПУ-НКВД-МВД Бережков был награжден орденом Ленина (12 мая 1945 г.); орденом Красного Знамени (3 ноября 1944 г.), орденом Отечественной войны 2-й степени (16 сентября 1945 г.), двумя орденами Красной Звезды (5 августа 1944 г. и 22 августа 1944 г.), знаком „Почетный работник ВЧК-ГПУ (V)” № 398; золотыми часами (1927 г.), боевым оружием „за беспощадную борьбу с контрреволюцией” (1932 г.). Умер в 1951 г. в Москве³⁸.

Начальник строительства № 211 и ИТЛ Ф.А. Леонюк

26 апреля 1939 г. начальником строительства 211 и ИТЛ был назначен старший майор государственной безопасности Фома Акимович Леонюк³⁹. Он родился 21 октября 1892 г. в Верховической волости Брест-Литовского уезда Гродненской губернии. Точное место рождения в разных документах указывал по-разному: или деревня Копылы (ныне деревня Копылы Каменецкого района Брестской области Республики Беларусь), или урочище Гипалище⁴⁰. В партийных документах указывал свою национальность как русский⁴¹. В автобиографиях и послужных списках Ф.А. Леонюка, хранящихся в архивном личном деле сотрудника Министерства внутренних дел (МВД) СССР, отсутствуют сведения о его настоящей фамилии. В середине 1940-х гг. Отдел контрразведки МВД СССР провел полную проверку биографических данных нашего героя. Сотрудниками МВД были опрошены его родственники в Западной Белоруссии (в частности, родной брат Леонюка – Григорий Акимович Кузуб,

³⁶ Витяг із протоколу зборів партійної організації оперативного відділу управління табору та будівництва ГУЛАГ НКВД СРСР про результати оперативної роботи, [w:] *Реабілітовані історією. Вінницька область*, Кн. 1, Вінниця 2006, с. 376.

³⁷ АГУВДУХО, Коллекция документов, Приказ НКВД СССР по личному составу № 101 от 26 апреля 1939 г.

³⁸ Информация любезно предоставлена автору Никитой Васильевичем Петровым (Москва).

³⁹ АГУВДУХО, Коллекция документов, Приказ НКВД СССР по личному составу № 101 от 26 апреля 1939 г.

⁴⁰ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВУУ), ф. 1, оп. 11, д. 1366, л. 1.

⁴¹ Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ЦГАООУ), ф. 1, оп. 1, д. 355, л. 15; там же, д. 388, л. 379.

проживавший в Брестской области и работавший кладовщиком в колхозе „Добрый труд“). Они в один голос утверждали, что настоящая фамилия Леонюка – Кузуб, что подтверждала и выписка из актовой книги, хранившаяся в православной церкви в Верховичах, а по национальности он – белорус⁴².

Отец Леонюка – Аким Яковлевич Кузуб. Он располагал 6 десятинами наделной земли (земля, образовавшаяся в ходе крестьянской реформы 1861 г. и реформы государственных и удельных крестьян) и 20 десятинами купленной земли. Мать Фомы – Зинаида Вакуловна занималась домашним хозяйством и семьей, состоявшей из девяти человек. В 1904 г. Фома окончил 3 класса церковно-приходской школы в деревне Верховичи, затем держал экзамен об окончании министерского народного училища. О результатах этого экзамена Леонюк ничего не сообщал, и потому можно полагать, что на этом его образование и закончилось. Вновь сесть за парту ему пришлось лишь спустя 19 лет в 1923 г., когда он в течение 6 месяцев „грыз партийную науку“ на курсах при Коммунистическом университете им. Артема в Харькове. С 1904 г. Фома помогал отцу по хозяйству, а в 1909 г., что называется, „вышел в люди“. Вначале поступил на работу пильщиком (по другим данным – лесорубом) к одному из частных лесопромышленников, ведущих разработку леса в урочище Старина Беловежской уездной пуши, в дальнейшем с 1911 г. он – молотобоец в сельской кузнице в родной деревне. В 1912 г. Фома вернулся к родителям и до призыва на военную службу (сентябрь 1913 г.) помогал отцу по сельскому хозяйству. На первых порах он попал на службу в Брест-Литовскую конвойную команду (особая военная команда, учрежденная специально для препровождения арестантов), но, спустя три месяца, был переведен в 3-й стрелковый (пехотный) полк 1-й стрелковой бригады 14-го армейского корпуса, который дислоцировался в городе Кутно Варшавской губернии.

С началом 1-й мировой войны этот полк был направлен в распоряжение Юго-Западного фронта, где принимал участие в Варшавско-Ивангородском и Лодзинском сражениях против германо-австрийских войск. В 1915 г. Кузуб был переведен в 13-й пехотный Белозерский полк, с которым участвовал в Великом отступлении русской армии 1915 г. Время, проведенное на боевых позициях, жизнь в окопах, ночные марш-броски, обстрелы и иные тяготы фронтовой жизни отразились на его здоровье. Во время боев близ станции Кашедары Либаво-Роменской железной дороги он заболел сначала цингой, затем воспалением легких и дизентерией⁴³. Однако в более поздних автобиографиях (периода 2-й мировой войны) Леонюк уже утверждал, что был тяжело ранен в голову и потому оказался на госпитальной койке⁴⁴.

После лечения в госпитале он был направлен в нестроевую команду⁴⁵ для выздоравливающих, а в 1916 г. был направлен санитаром в 10-й полевой эвакуационный

⁴² Центральный архив МВД Российской Федерации (ЦА МВД РФ), Архивное личное дело № 5739 на Леонюка Ф.А. Материалы спецпроверки.

⁴³ ЦГАВОВУУ, ф. 1, оп. 11, д. 1366, л. 1.

⁴⁴ ЦА МВД РФ, АЛД № 5739 на Леонюка Ф.А. Автобиография Ф.А. Леонюка от 1 марта 1943 г.

⁴⁵ Нестроевая команда – это распределительный пункт для тех солдат, кого врачебные комиссии признавали негодными к строевой службе. Именно из таких команд и формировались т.н. части обеспечения (госпитали, хлебопекарни, склады, мастерские и т.д.).

...испытать, обслуживающий боевые части по линии Липовец-Барановичи-Молодеч-
но. Позднее, его, как грамотного, направили на службу в канцелярию госпиталя для
ведения списка больных и раненых. В мае 1917 г. последовал очередной перевод, но
уже в Минск письмоводителем (делопроизводителем) Управления санитарной части
Западного фронта. Тыловые, как и боевые части Западного фронта, являлись для
большевиков политическим „ударным кулаком“, обеспечившим им решительный
перевес в борьбе за власть в Минске. Солдатские массы стали серьезным кадровым
ресурсом для малочисленной РСДРП(б). Сам Леонюк в партию большевиков всту-
пил в ноябре 1917 г., когда советская власть была уже фактически установлена на
всей неоккупированной территории Белоруссии⁴⁶. По решению ревкома Западного
фронта он был направлен на работу в отдел юстиции Западной области⁴⁷, где занял
должность секретаря отдела⁴⁸. На отдел юстиции были возложены обязанности по
ликвидации старого имперского суда, организации нового революционного суда,
принявшего на себя решение уголовных и гражданских дел. Помимо этого, отдел
юстиции занимался контролем над деятельностью низовых органов власти, чтобы их
действия соотносились с общими декретами и постановлениями центральной
советской власти и распоряжениями Совета Западной области⁴⁹.

После начала немецкого наступления Леонюк в марте 1918 г. назначается помощ-
ником заведующего (по другим данным – заведующим) отделом юстиции Оршанского
уездного исполкома, одновременно являясь следователем революционного трибу-
нала Оршанского уезда Могилёвской губернии. На следственной работе он пробыл
недолго, и с апреля 1918 г. Леонюк уже член, а затем и председатель Чрезвычайного
штаба по борьбе с контрреволюцией Оршанского уезда (это некий прообраз будущей
уездной ЧК). В образованной Оршанской уездной ЧК Кузуб вначале (в июне–августе
1918 г.) занимал пост товарища (заместителя) председателя ЧК, а затем секретаря
и члена коллегии уездной ЧК⁵⁰. В августе принимает активное участие в ликвидации
Козловского мятежа в уезде⁵¹, после чего 15 октября 1918 г. возглавил Оршанскую
уездную ЧК, став её председателем⁵².

В марте 1919 г. в связи с реформированием уездных ЧК Леонюк был отозван
в Могилёв, где ему была объявлена новая должность – помощник заведующего
Могилёвским Военным (особым) отделом. В марте 1919 г. Гомельский и Речицкий
уезды Могилёвской губернии были охвачены массовым антисоветским выступле-
нием, известным в советской истории, как „Стрекопытовский мятеж“. Во главе
выбравшихся полков 2-й (Тульской) бригады 8-й стрелковой дивизии встал
бывший штабс-капитан царской армии, заведующий хозяйственной частью 68-го

⁴⁶ ЦГАБОВУУ, ф. 1, оп. 11, д. 1366, л. 1.

⁴⁷ Западная область была образована большевиками в ноябре 1917 г. и объединяла Минскую, Могилевскую, Витебскую и неоккупированные немцами уезды Виленской губернии.

⁴⁸ ЦГАБОВУУ, ф. 1, оп. 11, д. 1366, л. 1.

⁴⁹ Н. Кавенская, *Первые социалистические преобразования в Белоруссии 25 октября 1917 – июль 1919 гг.*, Минск 1957, с. 31.

⁵⁰ ЦГАБОВУУ, ф. 1, оп. 11, д. 1366, л. 1.

⁵¹ А.Г. Халлов, *Крах антисоветского бандитизма в Белоруссии в 1918–1925 годах*, Минск 1981, с. 26.

⁵² ЦГАБОВУУ, ф. 1, оп. 11, д. 1366, л. 1.

полка Владимир Стрекопытов⁵³. Немалую роль в подавлении этого антисоветского выступления сыграл и Кузуб. 25 марта 1919 г. по распоряжению Могилёвского губкома РКП(б) и губисполкома он получил мандат чрезвычайного уполномоченного по ликвидации Гомельского-Стрекопытовского мятежа. Его жестокие и решительные действия создали ему необходимый авторитет в партийных кругах, и уже 15 апреля 1919 г. Леонюк возглавил Гомельскую губернскую ЧК⁵⁴.

Леонюк ничего не знал о судьбе своих родных на оккупированной территории. Отца и мать, братьев и сестер он не видел с 1915 г., когда вся семья эвакуировалась из Белоруссии на Украину в село Темрюк Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. Здесь в 1918 г. при невыясненных обстоятельствах немцами был убит отец Леонюка – Аким Яковлевич. После этой гибели мать, Зинаида Вакуловна Кузуб, вместе с детьми вернулась обратно на родину в Брест-Литовский уезд Гродненской губернии⁵⁵.

Из-за ухудшения положения на Западном и Южном фронте в августе 1919 г. в Гомеле была создана специальная комиссия „по разгрузке арестованных”, в которую вошел и председатель губчека Леонюк⁵⁶. На должности председателя Гомельской губернской ЧК он пробыл до февраля 1920 г., затем по решению ВЧК был переброшен на работу, на Украину, про что позднее так писал в своей автобиографии от 18 июня 1925 г.:

С 17-го февраля 1920 г. по сентябрь месяц 1921 г. работал в Екатеринославе в качестве нач[альника] СОЧ (секретно-оперативной части – авт.) и зам[естителя] председателя губЧК. С сентября месяца 1921 года председателем губЧК и начальником того же губотдела до конца расформирования Николаевской губернии по декабрь 1922 года. С февраля по декабрь 1923 г., начальником Волынского губотдела с октября 1923 г. до мая 1924 г. в гор. Харькове на высших повторных курсах и оттуда, не окончив курсов, переброшен для работы в Донецкий губотдел ГПУ в качестве начальника, где работаю по настоящее время. Наряду с основной работой, работал и работаю в целом ряде разных комиссий. Литературным трудом не занимался и не занимаюсь, не имею способности. Ораторские способности отсутствуют. В заключении, на вопрос, где бы я желал работать, скажу, что, работая в органах ЧК ГПУ с 1918 года марта месяца непрерывно, сильно издерган и записан в течение трех лет уже в группу психо-неврастеников. В дальнейшем желательно было бы меня использовать на земельной или хозяйственной работе⁵⁷.

Но покинуть органы ГПУ Леонюку было не суждено. Начальство характеризовало его в том же году как старого чекиста и опытного секретчика, который „... обладает инициативой. Умеет создать аппарат и руководить им. Энергичен, работе уделяет много времени. Выдержан и тактичен. Пользуется авторитетом среди сотрудников.

⁵³ См. подр.: А.Ф. Роголев, *От Гоминюка до Гомеля: городская старина в фактах, именах, лицах*, Гомель 2006, с. 208–210; В. Лебедева, „*Стрекопытовщина*”: Гомельское восстание 1919 г., [w:] *Крестьянский фронт. 1918–1922 гг. Сборник статей и материалов*, Москва 2013, с. 122–158.

⁵⁴ ЦГАВОВУУ, ф. 1, оп. 11, д. 1366, л. 1.

⁵⁵ ЦА МВД РФ, АЛД № 5739 на Леонюка Ф.А. Послужной список.

⁵⁶ *Революционные комитеты БССР (ноябрь 1918 – июль 1920). Сборник документов и материалов*, Минск 1961, с. 191.

⁵⁷ ЦГАВОВУУ, ф. 1, оп. 11, д. 1366, л. 1–2.

Вполне соответствует занимаемой должности”⁵⁸. С 21 июля 1928 г. Леонюк возглавлял Днепропетровский окружной отдел ГПУ, а с 5 сентября 1930 г. – Днепропетровский оперативный сектор ГПУ. Особо отличился в фабрикациях дел „Союза освобождения Украины”, за которое представлялся политбюро ЦК КП(б)У к награждению орденом Красного Знамени⁵⁹, и дела военно-офицерской организации „Весна”. По официальным данным под его руководством по этому делу было репрессировано 176 человек, 17 из которых расстреляли, 127 – отправили в концлагеря, 4 – в дома принудительных работ, 15 – подвергли административной высылке, 3 – ограничились в правах проживания, 9 – осудили условно, 1 – освободили⁶⁰.

В июле 1931 г. многолетний руководитель ГПУ УССР Всеволод Аполлонович Балицкий был назначен 3-м заместителем председателя ОГПУ СССР, вместе с ним из республики выехала большая группа украинских чекистов. Новый председатель ГПУ УССР Станислав Францевич Реденс сразу забрал Леонюка в центральный аппарат – 3 августа 1931 г. установил членом Коллегии ГПУ УССР⁶¹; 18 сентября того же года назначил начальником Секретно-оперативного управления ГПУ УССР, а 22 апреля 1922 г. сделал своим 2-м заместителем⁶².

Работая на руководящей работе в центральном аппарате, Леонюк был причастен к организации искусственного голода в Украине, в результате которого погибли несколько миллионов людей. Так, например, 8 декабря 1932 г. он рапортовал о том, что за август–ноябрь 1932 г. органами ГПУ УССР привлечено к ответственности в связи с хлебозаготовками 21 197 человек⁶³, а уже через несколько дней во главе опергруппы из 30 чекистов он был командирован в Черниговскую область, где под его „непосредственным руководством” было арестовано 7861 человек; вскрыто и ликвидировано 34 „контрреволюционно-повстанческих организаций”, 19 вооруженных бандгрупп, 107 „внутриколхозных группировок”⁶⁴. 20 декабря 1932 г. в честь 15-летия органов ЧК-ГПУ Леонюк был награжден орденом Красного Знамени. Но новый председатель ГПУ УССР В.А. Балицкий заслуги и активность Леонюка не оценил и на должности своего заместителя не оставил. 21 февраля 1933 г. постановлением политбюро ЦК КП(б)У последний был утвержден в должности начальника Одесского областного отдела ГПУ⁶⁵. По словам современников, в УНКВД по Одесской области произошли какие-то неприятности, в результате которых Леонюк был отозван с Украины⁶⁶.

20 марта 1935 г. постановлением политбюро ЦК КП(б)У Леонюк был освобожден от обязанностей начальника УНКВД по Одесской области „в связи с отзывом НКВД

⁵⁸ ЦА МВД РФ, АЛД № 5739 на Леонюка Ф.А. Послужной список.

⁵⁹ ЦГАОУ, ф. 1, оп. 6, д. 184, л. 87.

⁶⁰ Статистичні зведення щодо осіб, рішення стосовно яких за справою „Весна” прийняла Судова трійка при Колегії ДПУ УСРР 10 червня 1931 р., „3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ” 2002, nr 2, с. 306.

⁶¹ ЦГАОУ, ф. 1, оп. 6, д. 205, л. 146.

⁶² Н.В. Петров, К.В. Скоркин, *Кто руководил НКВД...*, с. 267–268.

⁶³ ОГА СБУ, Киев, ф. 42, д. 42, л. 52.

⁶⁴ Этот документ ошибочно датируется 1-м февраля 1932 г. в книге Голодомор 1932–1933 років в Україні: документи і матеріали, упоряд. Р.Я. Пиріг, Київ 2007, с. 60–61.

⁶⁵ ЦГАОУ, ф. 1, оп. 1, д. 281, л. 195.

⁶⁶ ОГА СБУ, Киев. Ф. 6, д. 49732ФП, л. 194.

СССР⁶⁷ и в тот же день назначен начальником УНКВД по Куйбышевскому краю⁶⁸. 29 ноября 1935 г. ему было присвоено специальное звание старшего майора государственной безопасности⁶⁹ (приравнялось к общеармейскому званию комдив). Куйбышевские чекисты, характеризуя „правление” Леонюка, вспоминали о той гнетущей обстановке в УНКВД, которая была создана на почве семейственности, стягивания своих людей, откомандирования тех людей, кто противодействовал этому, полнейшего зажима, подхалимства и очковтирательства. Активно вмешивалась в служебные дела Леонюка его жена Любовь Марковна. Вероятно, как бывшая чекистка (работала в органах ВЧК-ГПУ в 1920–1923 гг.), она „требовала увольнения работников, которые по тем или иным причинам не нравились ей или окружающим ее подхалимам” и не стеснялась „прилюдно давать характеристики служебной деятельности ряду начальников УНКВД”⁷⁰. 11 декабря 1936 г. поздним вечером в городе Мелекесе (ныне город Димитровград Ульяновской области) была убита делегат 8-го съезда Всесоюзного съезда Советов учительница съезда Советов Мария Владимировна Пронина. Леонюк лично возглавил оперативную группу по расследованию этого резонансного убийства, всколыхнувшего всю страну. Упор в следствии делался на происки „право-троцкистских террористов”, за неделю работы опергруппой было задержано 80 человек, но убийцы так и не нашли. Тогда в Мелекес была командирована опергруппа во главе с начальником Московского уголовного розыска старшим майором милиции Виктором Петровичем Овчинниковым, которая быстро нашла троих убийц, оказавшихся тривиальными уголовниками. Кроме того, во время следствия были выявлены большие недостатки в работе куйбышевской милиции⁷¹.

9 января 1937 г. Леонюк был отозван в распоряжение НКВД СССР⁷² и 15 апреля 1937 г. назначен начальником УНКВД по Красноярскому краю⁷³. Позднее, в 1954 г., в заключении особой инспекции управления кадров МВД СССР отмечалось, что с приездом в город Красноярск Леонюк под видом разгрома контрреволюционной организации правых арестовал свыше 30 руководящих работников Красноярского крайкома и горкома ВКП(б), крайисполкома, которые впоследствии были расстреляны. Леонюк не только подписывал документы на арестованных, но и принимал участие в их допросах, которые, как правило, печатались на машинке, а затем давались на подпись обвиняемому⁷⁴. 9 июля 1937 г. политбюро ЦК ВКП(б) утвердило его председателем краевой тройки по проверке антисоветских элементов и разрешило по северным районам Красноярского края „предоставить сведения

⁶⁷ ЦГАООУ, ф.1, оп.1, д. 373, л. 145.

⁶⁸ В Куйбышевский край входили территории нынешних Самарской, Ульяновской, Пензенской областей, части Тамбовской области, а также территория Республики Мордовия.

⁶⁹ АГУВДУХО, Коллекция документов, Приказ НКВД СССР по личному составу № 794 от 29 ноября 1935 г.

⁷⁰ М. Тумшис, *ВЧК. Война кланов*, Москва 2004, с. 58.

⁷¹ Там же, с. 55–74.

⁷² АГУВДУХО, Коллекция документов, Приказ НКВД СССР по личному составу № 27 от 9 января 1937 г.

⁷³ Там же, Приказ НКВД СССР по личному составу № 541 от 15 апреля 1937 г.

⁷⁴ ЦА МВД РФ, АЛД № 5739 на Леонюка Ф.А. Заключение особой инспекции управления кадров МВД СССР за ноябрь 1954 г.

о количестве подлежащих расстрелу и высылке к 1 августа⁷⁵. Согласно оперативному приказу НКВД СССР № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов от 30 июля 1937 г., в Красноярском крае подлежало расстрелу 750 человек, осужденному к 10 годам – 2 500 человек⁷⁶. В отличие от других регионов СССР „кулацкая операция” в крае началась 15 августа 1937 г., но развернуться Леонюку не дали – 13 сентября 1937 г. его снова отозвали в распоряжение НКВД СССР⁷⁷ и после недолгих разбирательств отправили на руководящую работу в систему ГУЛАГ: 11 октября 1937 г. Леонюк был назначен помощником начальника ГУЛАГ НКВД СССР⁷⁸, а 16 апреля 1938 г. – помощником начальника ГУЛАГ НКВД СССР⁷⁹.

На допросе 21 декабря 1938 г. арестованный бывший начальник ГУЛАГ НКВД СССР И.И. Плинер показал, что весной Леонюк заслал большое количество заключенных в Сиблаг, Карлаг, Сазлаг, где в них не было никакой надобности. В то же время в лагерях Дальневосточного края осуществлялась острая нужда в рабочей силе для оборонныхстроек, что „являлось ничем иным, как прямым вредительским действием”. Поведал Плинер и ещё об одном „вредительстве” своего заместителя. Весной 1938 г. он срочно поручил Леонюку:

Срочно вывезти из Дальневосточного лагеря всех заключенных китайцев, корейцев, а также осужденных за особо опасные преступления. Вместо того, чтобы немедленно организовать эту работу, Леонюк всемерно затянул, и эти категории заключенных были выведены спустя, примерно, 5 месяцев буквально ежедневного нажима. Эти факты, связь Леонюка с Коганом (бывший секретарь ГУЛАГа), а также и то, что он был назначен помощником начальника ГУЛАГа НКВД СССР после руководящей оперативной работы, и дают мне право полагать, что Леонюк не безучастен в заговорщических делах⁸⁰.

Более категоричным в отношении „заговорщической деятельности” Леонюка был арестованный бывший начальник отдела кадров УНКВД по Куйбышевскому краю Михаил Исаакович Рубинштейн:

Леонюк рассказал мне о том, что в Куйбышевской области существует право-троцкистская организация, в состав которой входит ряд ответственных работников обкома – секретари обкома ВКП(б) Шубриков, Левин, секретарь горкома ВКП(б) Амас, председатель облисполкома Полбицын, в том числе и он, Леонюк [...]. От Леонюка Ф.А. мною были получены следующие указания: принять все зависящие от меня меры по сохранению в УНКВД по Куйбышевской области право-троцкистских кадров и социально-чуждого элемента и, как секретарь парткома Управления НКВД, всячески оберегать их от разоблачения

⁷⁵ Лубянка. *Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 г.*, сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова, Москва 2004, с. 240.

⁷⁶ Там же, с. 275.

⁷⁷ АГУВДУХО, Коллекция документов. Приказ НКВД СССР по личному составу № 1675 от 13 сентября 1937 г.

⁷⁸ Там же, Приказ НКВД СССР по личному составу № 1894 от 11 октября 1937 г.

⁷⁹ Там же, Приказ НКВД СССР по личному составу № 923 от 16 апреля 1938 г.

⁸⁰ ЦА МВД РФ, АЛД № 5739 на Леонюка Ф.А. Выписка из протокола допроса Плинера И.И. от 21 декабря 1938 г.

партийной организацией, а также подбирать из числа скомпрометированных сотрудников УНКВД новые кандидатуры для вербовки в нашу право-троцкистскую организацию⁸¹.

Аналогичные показания на Леонюка дали бывший секретарь Куйбышевского горкома ВКП(б) А.С. Амас-Амирбеков, сотрудник Куйбышевского обкома ВКП(б) П.П. Сегаль и другие. Данная информация проверялась в НКВД-НКГБ СССР до 20 мая 1941 г., когда начальник особой инспекции НКГБ СССР старший майор государственной безопасности А.Г. Стефанов вынес решение: „Данных, подтверждающих причастность тов. Леонюка Ф.А. к заговорщической организации, недостаточно и, следовательно, оснований для его ареста нет“⁸².

С 23 августа 1941 г. – начальник 31-го полевого строительства 2-го (Северо-Западного) управления оборонительных работ НКВД СССР на Волховском фронте; с ноября 1941 г. – начальник 12-го управления оборонительного строительства РККА в городе Чебоксары; с 11 марта 1942 г. – начальник 2-го Управления оборонительного строительства (УОС) Главного управления оборонительного строительства (ГУОС) народного комиссариата обороны (НКО) СССР; с 9 апреля 1942 г. – начальник 21-го УОС ГУОС НКО СССР на Калининском фронте; с 21 июня 1943 г. начальник отдела по борьбе с детской беспризорностью НКВД СССР; с 7 октября 1950 г. – заместитель начальника отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью МВД СССР; с 24 июля 1953 г. – заместитель начальника Управления детских колоний ГУЛАГа МВД СССР; с 21 апреля 1954 г. – заместитель начальника отдела трудовых воспитательных колоний МВД СССР; 6 июня 1957 г. откомандирован в распоряжение Управления кадров МВД СССР. 24 июня 1957 г. – уволен в запас Советской армии по фактам, дискредитирующим звание начальствующего состава. Умер 1 января 1967 г. Леонюку были присвоены звания комиссара государственной безопасности (2 июля 1943 г.) и генерала-майора (9 июня 1945 г.). Постановлением совета министров СССР от 2 августа 1957 г. он был лишен звания генерал-майора „как дискредитировавший себя за время работы в органах [...] и недостойный в связи с этим высокого звания генерала“. Был награжден двумя орденами Ленина (21 февраля 1942 г. и 21 февраля 1945 г.), орденом Красного Знамени (3 ноября 1944 г.), орденом Отечественной войны 2-й степени (4 апреля 1943 г.), орденом Трудового Красного Знамени (12 декабря 1944 г.)⁸³.

Начальник 3 отдела строительства № 211 и ИТЛ Писклин

Всю оперативную работу (агентурная разработка заключенных и вольнонаемных сотрудников, аресты и следствие) в лагере проводили сотрудники 3-х отделов, позднее получивших название оперативно-чекистских. И если списки руководителей лагерей ГУЛАГ уже давно составлены, то аналогичная работа по начальникам 3-х отделов ещё только ждёт своего исследователя. Информацию о первом руководителе этого

⁸¹ М.А. Тумшис, В.А. Золотарёв, *Евреи в НКВД СССР. 1936–1938 гг. Опыт биографического словаря*, Самара 2012, с. 520.

⁸² ЦА МВД РФ, АЛД № 5739 на Леонюка Ф.А. Заключение особой инспекции НКГБ СССР от 20 мая 1941 г.

⁸³ Н.В. Петров, К.В. Скоркин, *Кто руководил НКВД...*, с. 267–268.

подразделения строительства 211 нам найти не удалось, но с большой долей вероятности можно утверждать, что его долго не назначали. Поэтому с начала февраля 1939 г. по 5 мая 1939 г. это подразделение возглавлял лейтенант государственной безопасности И.А. Писклин, официально числившийся заместителем начальника 3-го отдела. С 5 мая 1939 г. до 5 октября 1939 г. начальником 3-го отдела был капитан государственной безопасности М.П. Кононович, а затем подразделение вновь возглавил Писклин, числившийся заместителем начальника отдела⁸⁴.

Иван Александрович Писклин родился в 1901 г. в д. Степановка (ныне Ичалковский район Мордовии, Российская Федерация) в крестьянской семье. Русский, образование начальное. По профессии – канцелярист. Член ВКП(б) с 1920 г. С июля 1919 г. – переписчик в штабе 26-й стрелковой дивизии, с декабря 1920 г. по февраль 1922 г. – политрук и секретарь военкома 26-й стрелковой дивизии. С февраля 1922 г. – уполномоченный особого отдела 26-й стрелковой дивизии, с декабря 1922 г. – делопроизводитель полпредства ГПУ по Сибири. 27 октября 1923 г. был откомандирован из Ново-Николаевска на должность уполномоченного Енисейского губернского отдела ГПУ. С 1 октября 1925 г. по 17 ноября 1929 г. – уполномоченный и старший уполномоченный секретного отделения Кузнецкого окружного отдела ГПУ в Сибири. С ноября 1929 г. – старший уполномоченный секретного отделения Омского окружного отдела ГПУ. С 26 апреля 1931 г. – оперуполномоченный секретно-политического отдела полпредства ОГПУ по Западно-Сибирскому краю (ЗСК) в Новосибирске. С 14 января 1933 г. – начальник секретно-политического отделения и по совместительству заместитель начальника Минусинского оперативного сектора ОГПУ, ЗСК. С 1934 г. – начальник Ленинск-Кузнецкого городского отдела НКВД, ЗСК. С весны 1935 г. – работник УНКВД ЗСК, с 20 июля 1936 г. – заместитель начальника отдела охраны управления исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК) УНКВД ЗСК⁸⁵. Не ранее мая 1938 откомандирован из Новосибирска. На июнь 1938 – начальник 3-го (оперативно-чекистского) отдела Карлага НКВД СССР. Лейтенант государственной безопасности (8 октября 1936 г.)⁸⁶.

С февраля по июнь 1939 г. Писклин официально занимал должность заместителя начальника 3 отдела строительства № 211 и ИТЛ, и вскоре „прославился” на весь Советский Союз. 31 мая 1939 г. появился приказ, подписанный заместителем наркома внутренних дел СССР и начальником ГУЛАГа НКВД СССР комдивом Василием Васильевичем Чернышовым:

7 мая 1939 года за № 20451 зам. нач. 3 отдела при лагере строительства № 211 НКВД (строительство автомобильной дороги в Киевском военном округе) лейтенант ГБ (государственной безопасности – авт.) Писклин представил мне спецсообщение о заведении агентурного дела „Беглецы”. При ознакомлении с этим спецсообщением 3 отдела ГУЛАГа оказалось, что агентурное дело „Беглецы” является не вновь заведенным Писклиным,

⁸⁴ Табірний пункт та будівництво НКВД СРСР № 211: в'язні та охоронці, [w:] *Реабілітовані історією...*, с. 376.

⁸⁵ А.Г. Тепляков, *Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936–1946*, „Минувшее. Исторический альманах” 1997, Вып. 21, с. 282.

⁸⁶ Там же.

а это дело ранее разрабатывалось 3-м отделом строительства № 210 под кличкой „Дельцы”. Тов. Писклин почти дословно переписал спецсообщение 3 отдела строительства № 210 от 25 декабря 1938 года № 31, присвоив этому делу новую кличку, выдав его за вновь заведенное дело. Очковтирательство Писклина усугубляется еще и тем, что 27 апреля 1939 года 3 отдел ГУЛАГа НКВД обратил его внимание на это дело, но он вместо выполнения распоряжения 3 отдела ГУЛАГа направил мне указанное выше спецсообщение. Ввиду того, что очковтирательство и фальсификация оперативных материалов допускаются со стороны Писклина не впервые, приказываю зам. нач. 3 отдела строительства № 211 лейтенанта ГБ Писклина от должности отстранить, оставив его в распоряжении 3 отдела лагеря для использования в качестве оперуполномоченного. Всем начальникам 3-х отделов лагерей проработать настоящий приказ на оперативных совещаниях⁸⁷.

С начала июня до сентября 1939 г. И.А. Писклин „прозябал” в должности оперуполномоченного, а затем вновь повышен до заместителя начальника 3 отдела строительства № 211⁸⁸. 11 февраля 1940 г. вышел приказ о его увольнении из НКВД по статье 38, но в марте ещё продолжал осуществлять свои обязанности. Участник 2-й мировой войны. Восстановить его боевой путь пока не удалось, но известно, что 6 апреля 1985 г. был награждён орденом Отечественной войны 2-й степени⁸⁹.

Начальник 3 отдела строительства № 211 и ИТЛ Кононович

В отличие от И.А. Писклина, про профессиональную деятельность которого известно пока крайне мало (разве что участие в следствии по делу „офицерского заговора” в Орловско-Розовском пункте Сиблага в ноябре–декабре 1937 г.⁹⁰), другой начальник 3-го отдела оставил после себя большой кровавый след.

Михаил Павлович Кононович родился 12 апреля 1899 г. в городе Пружаны – уездном центре Гродненской губернии в семье сапожника-кустаря, белорус. Окончил в 1910 г. церковно-приходскую школу и в 1915 г. 4-х классное высшее начальное училище в Пружанах. Сдал экстерном экзамены за 4 класса гимназии. В августе–ноябре 1915 г. – чернорабочий строительства железной дороги Данилов-Буй, город Данилов Ярославская губерния; в декабре 1915 г. – октябре 1917 г. – грузчик, счетовод конторы оптово-розничной торговли Глазова и Люберецкого завода сельскохозяйственных машин, г. Люберцы Московская губерния; в октябре–ноябре 1917 г. – счетовод Харьковского паровозостроительного завода; в ноябре 1917 г. – феврале 1918 г. – рядовой Сборного красногвардейского отряда в Харькове; в феврале–мае 1918 г. – командир эскадрона 1-го Харьковского конно-партизанского отряда на Южном фронте; в июне–июле 1918 г. – рядовой 1-го Советского Московского кавалерийского полка; в августе 1918 г.

⁸⁷ АГУВДУХО, Коллекция документов, Приказ НКВД СССР № 00618 от 31 мая 1939 г.

⁸⁸ Табірний пункт та будівництво НКВД СРСР № 211: в'язні та охоронці, [w:] *Реабілітовані історією...*, с. 376.

⁸⁹ Электронный банк документов „Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., Режим доступа <http://podvignaroda.mil.ru>.

⁹⁰ Чекисты-создатели „офицерского заговора” в Орлово-Розовском пункте Сиблага 1937, Режим доступа <http://igorkurl.livejournal.com/233418.html>.

– сентябре 1919 г. – помощник командира пулеметной команды Тамбовского Советского стрелкового полка и 8-го Латышского стрелкового полка, участник подавления левозсеровского мятежа в Москве и войсками генерала Деникина на Южном фронте; в октябре 1919 г. – январе 1920 – начальник штаба по организации партизанских отрядов Московского уездного ревкома; в январе 1920 г. – феврале 1921 г. – член комиссии по борьбе с дезертирством военкомата Московского уезда и командир отряда комиссии; в феврале 1921 г. – феврале 1922 г. – следователь революционно-военного трибунала Московско-Казанской железной дороги⁹¹.

В феврале 1922 г. направлен на работу в особый отдел (ОО) ГПУ Московского военного округа (МВО), где работал в качестве уполномоченного, в 1924 г. переведен на работу старшим уполномоченным в контрразведывательный отдел ОГПУ СССР, а после ликвидации контрразведывательного отдела с осени 1930 г. проходил службу в должности оперуполномоченного 3-го отделения особого отдела ОГПУ СССР. В различных аттестациях Кононовича с июня 1922 по июнь 1930 г. отмечалось: „чувствуется призвание к следственной работе” (заключение комиссии по чистке сотрудников ОО МВО от 28 июня 1922 г.); „опытный следственный работник, особых достоинств и недостатков нет” (аттестация отдела кадров ОГПУ СССР от 13 ноября 1924 г.); „великолепный следственный работник” (аттестация отдела кадров ОГПУ СССР от 1 июня 1930 г.). За успехи в борьбе с контрреволюцией был награжден знаком почетного работника ВЧК-ГПУ (V) № 502; в декабре 1927 г. часами в честь 10-летия органов ВЧК-ОГПУ; в июле 1929 г. „за исключительную инициативу, упорство и находчивость при раскрытии и ликвидации Демократического союза” Коллегией ОГПУ СССР награжден грамотой и пистолетом „Маузер”⁹².

С 1 сентября 1934 г. Кононович – помощник начальника 1-го отделения ОО ГУГБ НКВД СССР; с 23 июня 1935 г. – заместитель начальника 11-го отделения ОО ГУГБ НКВД; с 1937 г. – заместитель начальника 3-го отделения 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ НКВД СССР⁹³.

За время работы в 1930–1937 гг. в особом отделе ОГПУ-ГУГБ НКВД СССР и 3-м (контрразведывательном) отделе ГУГБ НКВД СССР в „послужном” списке „заслуг” капитана государственной безопасности Кононовича значатся: монархическая организация „Русский национальный союз”, которая якобы вела подготовку заражения в Москве водопровода и населения чумой и другими заразными бактериями; офицерская террористическая организация в Теплотехническом институте, в котором работал профессор Леонид Константинович Рамзин; „польские шпионы” – полпред СССР в Латвии Стефан Иоахимович Бродовский, помощник начальника Разведупра РККА корпусной комиссар Лев Николаевич Мейер-Захаров и его бывший секретарь в ОО ОГПУ Вильковский; осужденные по ложным обвинениям в причастности к т. н. „военно-фашистскому заговору в РККА” начальник мобилизационного отдела наркомата лесной промышленности СССР Иван Дмитриевич Каширин и начальник управления

⁹¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 9, д. 1783.

⁹² *Демократический союз. Следственное дело. 1928–1929 гг.*, Москва 2010.

⁹³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 9, д. 1783.

боевой подготовки командарм 2-го ранга Николай Дмитриевич Каширин; начальник кафедры военной истории Военной академии комбриг Николай Федорович Евсеев; т. н. террористическая группа сотрудников НКВД СССР, якобы намеревавшаяся совершить теракт над Николаем Ивановичем Ежовым, и другие. В декабре 1937 г. Кононович был командирован в Магадан „выкорчевывать врагов народа” среди заключенных Дальстроя.

По свидетельству заместителя начальника отдельного лагерного пункта НКВД старшего лейтенанта государственной безопасности М.М. Веселькова, подавшего рапорт в Москву в НКВД СССР „о творимых ненормальностях на Колыме” с прибытием начальника УНКВД по Дальстрою старшего лейтенанта государственной безопасности Василия Михайловича Сперанского в сопровождении опергруппы НКВД СССР – Кононовича, старшего лейтенанта государственной безопасности Михаила Эммануиловича Каценелебогена, лейтенантов государственной безопасности Бронштейна и Виницкого „ими было введено в систему допрос арестованных конвейером с выстойками на несколько суток, допускались мордобития, сажали арестованных не сознающихся в казематы темные”. Будучи отозванным в распоряжение НКВД СССР, Кононов написал рапорт на имя нового первого заместителя наркома внутренних дел СССР Лаврентия Павловича Берия рапорт, в котором всячески отмечал свои заслуги перед партией и социалистической Родиной

На чекистской работе я выявил, вскрыл и представил к репрессиям тысячи врагов. Почти треть моей жизни протекала за допросами в тюрьмах, в стенах НКВД и на конспиративных квартирах. К этой работе привязан, люблю ее, она у меня в крови, связана со смертью моей десятилетней дочери Гали, последовавшей в 1934 г. в результате выполнения мною чекистской работы [...] Я вскрыл, провел следствие и активно участвовал во вскрытии следующих дел: Контрреволюционной террористической организации молодежи „Демократический союз” – дело Любарских и других количеством в 90 чел., имевшей террористические группы в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Чернигове, Одессе. По делу отобрано пять штук боевых бомб, большое количество оружия, шопирограф, около 250 программ организации и около 500 штук листовок с призывом к террору. Провел это дело в 1928–1929 гг. с помощью одного лишь т. Гендина⁹⁴.

Далее он пишет о причастности к репрессиям, в числе которых были военные и чекисты, а также об исполнении им печально известных „ежовских” оперативных приказов. На Колыме был арестован и расстрелян директор Дальстроя Эдуард Петрович Берзин, который, якобы по заданию т. н. „правотроцкистского блока”, создавал на Колыме „шпионско-террористические вредительские правотроцкистские организации и группы”. „Активно участвовал – отмечал он – в разгроме и репрессировании по первой категории... до 7 тыс. чел., [...] там же подвергнуто репрессиям по 2-й категории до 5 тыс. участников различных антисоветских групп”⁹⁵.

⁹⁴ Гендин Семен Григорьевич (1902–1939) – в 1929–1930 гг. начальник 7 отделения ОО ОГПУ СССР.

⁹⁵ *Демократический союз...*

4 октября 1938 г. Кононович был назначен начальником 3-го (оперативно-чекистского) отдела строительства № 210 и ИТЛ НКВД, а в мае 1939 г. переведён на аналогичную должность в строительство № 211. 8 октября 1939 г. Кононович был уволен из НКВД по болезни. В декабре 1939 г. – сентябре 1941 г. – заместитель начальника организационно-инструкторского отдела, позднее начальник спецсектора правления Госбанка СССР; в октябре 1941 г. – ноябре 1942 г. – заместитель начальника отдела инкассации и перевозки денег Башкирской конторы Госбанка СССР в Уфе; в декабре 1942 г. – феврале 1948 г. – заместитель начальника сектора инкассации Московской городской конторы Госбанка СССР. С февраля 1948 г. пенсионер в Москве. В 1960 г. исключен из КПСС за нарушение социалистической законности во время службы в НКВД⁹⁶.

3-й отдел строительства № 211 и ИТЛ

3-й отдел работал всё время некомплектованным и стал пополняться кадрами лишь тогда, когда в основном работы на строительстве начали свёртываться. На февраль 1939 г. в отделе работало 5–6 человек, ютившихся в одной комнате. Причем некомплект был не только количественный, но и качественный. Несмотря на гигантскую империю ГУЛАГ на 1938 г. в СССР было только одно специальное учреждение, готовящее для него специальные кадры – Харьковская школа НКВД.

Наряду с опытными работниками в 3-й отдел вливались молодые неопытные кадры, требующие постоянного обучения и воспитания. Кроме того, из опытных сотрудников на строительство 211 направлялся такой состав, который откомандировывался как неспособный по состоянию своего здоровья работать в отдельной местности, или по состоянию здоровья членов семьи требовал переброски по климатическим условиям в Украину (оперуполномоченные Левин, Векслер, Дерябин, Мосолов, Орешкин, Качан, Карасин и др.). Многие из вновь прибывших чекистов заявляли сразу по прибытии сюда, что они могут работать только в центральном аппарате 3-го отдела или вообще скоро должны уехать лечиться. Руководству стоило больших трудов направить их работать на периферию⁹⁷.

О специфике работы 3-го отдела можно судить из выступления И.А. Писклина на партийном собрании 10 марта 1940 г., в котором тот подробно остановился на основных недостатках в работе вверенного ему подразделения и, в частности, своего предшественника.

Во-первых, М.П. Кононович не направлял негласный аппарат на выявление политического настроения заключенных, поскольку считал, что в лагере все заключенные недовольны своим положением, поэтому нечего их освещать, так как это освещение ничего не даст. Поэтому в своем директивном письме от 9 октября 1939 г. Писклин обязал подчиненных направить негласный аппарат на освещение настроений заключенных и вскоре рапортовал „о ряде интересных дел на контрреволюционный элемент из числа заключенных”⁹⁸.

Во-вторых, недостаточно разрабатывались лица, замеченные неоднократно в срывах и провалах хозяйственной деятельности. На весну 1940 г. уже были лица, как из числа

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Табірний пункт та будівництво НКВД СРСР № 211: в'язні та охоронці, [w:] *Реабілітовані історію...*, с. 376.

⁹⁸ ГАВО, ф. 805, оп. 1, д. 50, л. 68.

заклученных, так и из числа вольнонаемных, привлеченные к ответственности за срыв работы⁹⁹.

В-третьих, „имелись значительные отставания в работе по борьбе с отказчиками. В конце 1939 г. – начале 1940 г. ряд заключенных стали привлекать по статье 54-14 Уголовного Кодекса УССР”¹⁰⁰.

В-четвертых, недостаточно четко и решительно велась борьба с растратами и проматыванием казенного имущества, „но при всём этом большинство растратчиков привлечены к ответственности за срыв работы и саботаж на производстве”. Вместе с тем пробуксовывало следствие расследование с растратами в отделе технического обеспечения, автотранспортной конторе механизации¹⁰¹. Остановливаясь на причинах перерасходов И.А. Писклин заявил, что основная причина перерасходов на строительстве – низкая квалификация руководящих хозяйственных работников:

Ещё после Шахтинского процесса, тов. Сталин поставил в упор вопрос перед хозяйственниками, что они обязаны овладеть техникой, знать финансы и экономику предприятия. А кто из наших руководящих работников строительства занимается этими вопросами? Можно смело сказать, что никто. Где у нас правильное финансовое планирование, где хозрасчет, где план и т.д.?

За весь 1939 г. чекистами было выявлено растрат на общую сумму 237 тыс. рублей по всему строительству, причем значительная часть из них покрыта и произошла в основном из-за запутанности учета и отчетности, а также отсутствия должного контроля со стороны финансового отдела¹⁰².

В-пятых, недостаточная борьба по предотвращению побегов заключенных. Основной ошибкой был признан неправильный подбор и вербовка осведомления по побегам, без учета статейных и других признаков заключенных, среди которых насаждалось осведомление, к тому же следственная работа была оторвана от агентурной работы. По состоянию на 10 марта 1940 г. числилось 646 непоиманных заключенных, сбежавших со строительства 211 и исправительно-трудового лагеря¹⁰³.

О загруженности оперативной работой сотрудников 3-го отдела можно судить на примере оперуполномоченного Карасика, проведенного в 1939 г. 111 дел на 241 обвиняемого¹⁰⁴.

Уже в январе 1940 г. аппарат 3-го отдел сосредоточился и в центре, и на периферии исключительно на негласной работе, и уже вскоре рапортовал о возникновении „ряда интересных дел” и систематическом освещении политических настроений заключенных¹⁰⁵.

⁹⁹ Там же, л. 68–69.

¹⁰⁰ Там же, л. 70.

¹⁰¹ Там же, л. 71.

¹⁰² Табірний пункт та будівництво НКВД СРСР № 211: в'язні та охоронці, [w:] *Реабілітовані історією...*, с. 378.

¹⁰³ ГАВО, ф. 805, оп. 1, д. 50, л. 71.

¹⁰⁴ Табірний пункт та будівництво НКВД СРСР № 211: в'язні та охоронці, [w:] *Реабілітовані історією...*, с. 378.

¹⁰⁵ Там же, с. 379.

7 февраля 1940 г. нарком внутренних дел СССР Лаврентий Павлович Берия подписал приказ „Об агентурно-оперативном обслуживании исправительно-трудовых лагерей-колоний НКВД СССР”, в котором отмечал недостатки в работе 3-х отделов ГУЛАГ НКВД: оперативно-организационной оторванностью аппаратов 3-их отделов от республиканских, краевых и областных НКВД-УНКВД; отсутствием какой бы то ни было практической помощи в налаживании агентурно-оперативной работы со стороны НКВД-УНКВД республик, краев и областей 3-им отделам лагерей-колоний; громоздкостью аппаратов 3-их отделов, приводящей к излишней затрате государственных средств; неувязкой в работе 3-их отделов лагерей-колоний НКВД с руководством лагерей-колоний, неподчинение начальников 3-их отделов начальникам лагерей-колоний; отсутствием со стороны отделов кадров НКВД-УНКВД республик, краев и областей необходимой работы по очистке личного состава 3-их отделов лагерей-колоний и выращиванию новых кадров; отсутствием со стороны 3-го отдела ГУЛАГа НКВД СССР практической оперативной помощи 3-им отделам лагерей-колоний.

„В целях решительного улучшения оперативно-чекистской работы в исправительно-трудовых лагерях-колониях НКВД СССР” 3-и отделы ГУЛАГ НКВД были реорганизованы в оперативно-чекистские отделы, на которые возлагались следующие задачи: создание агентурно-осведомительной сети для разработки заключенных в лагерях и колониях, с целью освещения их политического настроения и своевременного пресечения вражеской работы; борьба с саботажем, дезорганизацией производства, хищением лагерного имущества; бандитизмом и хулиганством среди заключенных лагерей-колоний; выявление и предупреждение, путем своевременной информации начальника лагеря, срывов в производственной деятельности лагеря и дефектов в выполняемых работах; борьба с побегами заключенных из лагерей-колоний и организацию розыска и ареста беглецов; оперативно-чекистское обслуживание вольнонаемных сотрудников лагерей-колоний, подозреваемых во вражеской работе; выполнение заданий органов НКВД СССР по агентурно-осведомительному наблюдению за осужденными преступниками; вербовка агентуры и осведомления среди заключенных преступников, с расчетом на их дальнейшее использование по отбытии срока наказания; своевременная информация органов НКВД об освобождающихся из лагерей и выбывающих на их территорию лицах, отбывших наказание за антигосударственную работу.

Всю представляющую оперативный интерес агентуру и осведомление работников оперативно-чекистских отделов предписывалось иметь на личной связи, а использование остального осведомления производить через резидентскую сеть. В качестве резидентов приказывалось использовать только проверенных работников вольнонаемного состава лагеря или, как исключение, заключенного из числа осужденных за бытовые преступления. Все без исключения резиденты должны были быть руководителями территориальных органов НКВД, на территории которых расположен лагерь.

Все оперативные мероприятия (аресты, секретные изъятия), как в отношении работников лагеря, так и заключенных преступников, начальникам оперативно-чекистских отделов надлежало проводить только с разрешения начальника лагеря-колонии

и с санкции начальника территориального органа НКВД. Следствие по делам об антигосударственных преступлениях производится в следственных частях УНКВД.

Учет агентуры и лиц, разрабатываемых оперативно-чекистскими отделами по контрреволюционным преступлениям заключенных лагерников, теперь должны быть сосредоточены в 1-ом спецотделе территориального органа НКВД, а учет осведомления – в оперативно-чекистских отделах лагеря с соблюдением необходимой конспирации.

Начальники оперативно-чекистских отделов лагерей по совместительству назначались заместителями начальников лагерей-колоний, а ответственность за работу оперативно-чекистских отделов лагерей возлагалась на начальников лагерей¹⁰⁶.

Уже 20 марта 1940 г. партийная организация оперативно-чекистского отдела строительства 211 рассмотрела вопрос перестройки оперативной работы. В своем выступлении начальник 3-й части при 4-м (Литинском) строительном участке Гольцман заверил присутствующих в том, что работа уже перестраивается, хотя и слабо, и обвинил лагерное начальство в создании невольных препятствий для успешного проведения оперативной работы: строительные бригады отличаются большой текучестью кадров, а заключенные без ведома чекистов перебрасывались не только из бригады в бригаду, а и из одного лагерного пункта в другой. Особо досталось начальнику 4-го строительного участка: „Тов. Эпштейн не создаёт условий для продуктивности нашей оперативной работы: в помещении 3-й части отсутствует свет, не предоставляются средства передвижения для работников 3-й части и не отпускаются канцелярские принадлежности, а такие мелочи тормозят работу”¹⁰⁷. Особым дефицитом была бумага. Многие текущие документы печатались на обратной стороне плакатов, стрелковых мишеней и т.п.

В своем выступлении и. о. начальника оперативно-чекистского отдела И.А. Писклин отметил слабую работу начальника 3-й части Литинского участка Гольцмана и начальника 3-й части Жмеринского участка Грязнова, а также призвал к эффективной борьбе с лагерными побегам. Для этого предстояло бороться со злостными отказчиками от работ, рассматривая их как саботажников и дезорганизаторов производственной дисциплины, и судить их по статье 54-14 УК УССР¹⁰⁸.

Реорганизация 3-го отдела в оперативно-чекистский отдел создала у некоторых сотрудников демобилизационные настроения. По состоянию на 8 апреля 1940 г. на 5 участке оперативно разрабатывалось 4 человека.

Учетник № 47 имеет связи по Могилёв-Подольску. Освещением обеспечен недостаточно. В ведении дел контактируется с местным горотделом, откуда получены в основном материалы на него. Учетник № 15 из заключенных был связан с другими лицами, но идеологической связи не выявлено. Освещением обеспечен. Учетник № 16 настроен резко антисоветски, допускает провалы в производственной работе, граничащие с вредительством. Дело перспективное. Учетник № 14 пока активно себя не проявляет.

¹⁰⁶ АГУВДУХО, Коллекция документов, Приказ НКВД СССР № 00149 от 7 февраля 1940 г.

¹⁰⁷ ГАВО, ф. 805, оп. 1, д. 50, л. 52.

¹⁰⁸ Там же, л. 55.

Другой учетник из заключенных занимается антисоветской агитацией и распространяет контрреволюционные провокационные слухи. Это дело может быть реализовано в ближайшее время¹⁰⁹.

За первый квартал 1940 г. 3-м отделом было закончено следственное дело по хищению и подделке документов на Васильева, Рывкина и Джижири. Было возбуждено следственное дело на сотрудников строительства Кудряшева и Мазуренко, по вине которых отправлен в этап больной заключенный, который умер в дороге¹¹⁰.

Сотрудник 3-го отдела Слинько отмечал отсутствие серьезных следственных дел из-за слабо поставленной чекистско-оперативной работы. Дескать, несмотря на то, что на 5-м участке из месяца в месяц срывается план, дел на саботажников не было. Слабо велась и работа по выявлению злостных отказчиков, „являющихся по существу саботажниками, разлагающе действующими на здоровую часть лагерников”. Отмечалось также отсутствие борьбы с так называемыми „промотами” (растранивание средств), дающими „большую лазейку администрации для прикрытия растрат вещественного довольствия”¹¹¹.

Заслуживает внимание ответ на партийном собрании 10–11 марта 1940 г. начальника оперативно-чекистского отдела И.А. Писклина на упрёки сотрудника Карасика в том, что 3-й отдел никого не посадил за контрреволюционное вредительство:

„Тов. Карасик не учитывает, что мы живём в эпоху Сталинской Конституции, когда права каждого гражданина охраняются законом, когда существует революционная законность, при которой нельзя действовать так, как иногда некоторые работники действовали раньше: сначала посади, а потом разберись”. Сейчас делается как раз наоборот: „Сначала разберись, а потом посади”. Если у меня не было оснований посадить даже таких обвиняемых как Спивак, то что же я должен был сделать. Не мог же я выдумывать эти основания. Областной прокурор не дал санкции на арест Спивака, даже когда я считал, что есть основание для его ареста. Тов. Карасик совершенно не знает установок партии и НКВД в оперативно-чекистской работе на данном этапе. Период методов следствия, о которых думает тов. Карасик, отошел давно в область предания и партия это осудила. Враги народа в нашей стране в основном разгромлены, но остались их последыши, „хвосты”, ушедшие в глубокое контрреволюционное подполье. Для выявления этого подполья и нужен соответствующий крепкий чекистский аппарат. Линия в работе органов НКВД на данном этапе определена партией, тов. Сталиным¹¹².

Военизированная охрана строительства 211 и ИТЛ

Изолирование заключенных от общества и организацию режима осуществляла военизированная охрана (ВОХР). В соответствии с „Временными наставлениями по

¹⁰⁹ Там же, л. 34.

¹¹⁰ Там же, л. 33.

¹¹¹ Там же, л. 35.

¹¹² Там же, л. 85.

службе военизированной охраны исправительно-трудовых лагерей НКВД СССР”, утвержденным заместителем НКВД СССР В.В. Чернышевым 4 марта 1939 г., задачами ВОХР были: охрана заключенных, находящихся в лагерях, участках (пунктах) и на производстве; охрана готовых сооружений, складов общего назначения и основных баз с материальными ценностями; конвоирование заключенных на производство и другие участки лагеря и охрана их на месте работы; конвоирование заключенных за пределы лагеря; борьба с побегами и розыск бежавших заключенных; подавление групповых выступлений и неповиновение заключенных¹¹³.

Нам удалось пока найти лишь один факт „группового выступления” заключенных. Но несмотря на то, что позднее оно характеризовалось как „антисоветское”, по сути, это была обычная уголовщина. Итак, в первом отделении 2-й дистанции летом 1939 г. сформировалась „антисоветская группировка” в количестве 6 человек под руководством заключенного Николая Григорьевича Петрова, 1913 г. рождения, уроженца г. Москвы, ранее судимого, осужденного вторично к полутора годам лишения свободы по ст. 170 УК УССР (дача взятки). Группировка проводила среди заключенных „антисоветскую пропаганду – восхваляла фашизм и распространяла пораженческие настроения”, систематически не выходила на работу, подстрекала следовать их примеру. Будучи вооруженной ножами, группа занималась лагерным бандитизмом, пьянством и терроризировала других заключенных. Под влиянием агитации и подстрекательства группы Петрова бригада заключенного Волкова в течение трёх дней не выходила на работу. 15 сентября 1939 г. группа Петрова была посажена в изолятор за отказ работать. В изоляторе группа устроила дебош, а, будучи выведенной из изолятора, пыталась разоружить прибывших на место происшествия стрелков ВОХР. Стрелки были вынуждены открыть огонь, в результате которого были ранены два участника группировки, из коих Петров легко в ногу, а Эйдельман тяжело. Будучи доставленным в больницу, последний скончался. Все члены группы были арестованы и привлечены к уголовной ответственности. Выяснить их дальнейшую судьбу пока не удалось¹¹⁴.

3-й отдел оперативно освещал работу вооруженной охраны, в которой было очень много безобразий и нарушений, как со стороны стрелков, так и со стороны командно-политического состава. Их причину чекисты видели, во-первых, в „исключительно низком уровне” политико-морального состояния ВОХР, во-вторых, в „засоренности рядов чуждыми и сомнительными элементами”, в третьих, „исключительно слабой политической и боевой подготовке”.

Среди личного состава дивизиона ВОХР было развито пьянство, нарушение дисциплины и правил несения службы. По мнению чекистов это было результатом „невыносимых для личного состава дивизиона жилищно-бытовых условий и небезопасности должным руководством со стороны командира дивизиона Климанского”¹¹⁵.

В марте 1940 г. чекисты хвалились тем, что „почти не один проступок стрелков ВОХР не остался безнаказанным”. К проступкам стрелков чекисты относили побеги

¹¹³ *Временное наставление по службе военизированной охраны ИТЛ НКВД СССР*, Москва 1939. с. 3.

¹¹⁴ ГАВО, ф. 805, оп. 1, д. 1, л. 14–15.

¹¹⁵ Там же, д. 50, л. 52.

заключенных и нарушение устава конвойно-караульной службы. А вот с „освещением” политсостава ВОХР дела обстояли хуже, хотя чекистам удалось привлечь к уголовной ответственности в феврале 1940 г. „за подлоги и разложение ВОХР” командира 5-го участка Васильева и добиться снятия за развал работы комиссара ВОХР Хохлова¹¹⁶.

„Нарушители социалистической законности”

Начатая в 1938 г. в НКВД СССР борьба с нарушителями так называемой „социалистической законности” среди сотрудников ГУГБ перенеслась и на сотрудников ГУЛАГа. Не стало исключением и строительство № 211.

В 1939 г. заключенный Борцев на 15-й дистанции содержался в штрафном изоляторе безо всякого основания в течении 2-х месяцев и 4-х дней, причем перед заключением в изолятор он был избит до потери сознания вахтером Черняевым. В августе того же года начальник лагерного пункта 4-го отделения Попов вызвал к себе заключенного Садреева, которого подозревал в мелкой краже. Попов начал избивать Садреева палкой по суставам кистей рук, в избиении принимал участие комендант лагерного пункта заключенный Гогуа. После избиения Садреев был догола раздет и водворён в изолятор, где он пытался покончить жизнь самоубийством через повешение. В отношении Попова и Гогуа 3-м отделом было проведено следствие, и дело было передано прокурору по подсудности¹¹⁷.

Командир взвода 6-го дивизиона ВОХР Николай Васильевич Ширококов и начальник 2-го лагерного пункта 6-го отделения Фишбеин были привлечены к уголовной ответственности по ст. 206-17 п. „а” УК УССР за „нарушение социалистической законности”: избиение заключенных и их незаконное водворение в изолятор, а также за инсценировку расстрела заключенных Немченко и Лопатина в ноябре 1939 г.¹¹⁸

20 августа 1940 г. прокурор ИТЛ при строительстве № 211 НКВД СССР Завальнюк, рассмотрев материалы доследственной проверки о смерти заключенного Язмышата Самутдинова, находившегося на 5-м строительном участке в местечке Вендичаны (ныне поселок городского типа в Могилёв-Подольском районе Винницкой области), пришел к выводу, что умерший нуждался в немедленном хирургическом вмешательстве, но начальник участка Бакш проигнорировал требования врача Филимонновой немедленно отправить Самутдинова в гражданскую больницу города Могилёв-Подольский из-за отсутствия горючего, хотя в легковой машине оно имелось в количестве 30 кг. Самутдинова доставили в больницу лишь на следующий день, где он после операции скончался. Завальнюк обвинил Бакша в „формальном отношении к своим служебным обязанностям и игнорировании общественных интересов” и предложил привлечь его к партийной ответственности¹¹⁹.

¹¹⁶ Табірний пункт та будівництво НКВД СРСР № 211: в'язні та охоронці, [w:] *Реабілітовані історією...*, с. 379.

¹¹⁷ ГАВО, ф. 805, оп. 1, д. 9, л. 82–83.

¹¹⁸ Там же, д. 25, л. 121.

¹¹⁹ Там же, д. 173, л. 203.

„Нарушители трудовой дисциплины”

Работникам 3-го отдела приходилось заниматься и следствием по „нарушению трудовой дисциплины”, в основном – пьяными дебошами. Причем, как среди заключенных, так и среди вольнонаёмного персонала. Вот характерный пример такого расследования, „когда отдельные работники вольнонаёмного состава [...] разлагаясь сами, вовлекают в это дело заключенных, снижая тем самым лагерную дисциплину и работу производства”. 23 сентября 1939 г. начальник лагерного отряда 5-й дистанции Лыско организовал у себя на квартире групповую пьянку, в которой приняли участие прораб Стражников, инспектор учетно-расчетной части Лавренчуков и десятник Сергиенко. Напившись допьяна, вся эта компания отправилась к помощнику начальника Корнету, который по их требованию купил им ещё водки. Тем временем ночная смена заключенных трактористов в составе Крикунова, Бужаница и Склярова, пользуясь тем, что лагерная администрация пьянствует, оставили трактора с работающими моторами и ушли вместе с вольнонаемным механиком Кравчуком пьянствовать в село. Изрядно выпивший Крикунов зашел на квартиру, где пьянствовали начальники, и захотел присоединиться к пьянке. Начальник лагерного отряда 5-й дистанции предложил заключенному немедленно удалиться, а так как Крикунов отказался, то Лыско, Стражников и другие начали его избивать. На крик Крикунова прибежал механик Кравчук и устроил драку. Эта сатисфакция показалась Крикунову недостаточной, он собрал заключенных трактористов и начал разыскивать своего обидчика Лыско. Во время розыска они встретили Стражникова и избили его¹²⁰.

Хозяйственные начальники строительства № 211 и ИТЛ

Уровень хозяйственных руководителей низового звена был достаточно низким. Так, например, начальник 5-го участка Кудряшев „работу участка из месяца в месяц проваливал, что отражалось отрицательно и на состоянии лагеря”. Сменивший Кудряшева Петров тоже не смог обеспечить должного руководства и вскоре был снят с работы, поскольку план за первый квартал 1940 г. был выполнен только по искусственным сооружениям, а по земельным работам выполнен всего на несколько процентов. Лагерь и гужевой транспорт находились в жутких условиях, хотя падежа лошадей не было. Невыполнение плана привело к задержке зарплаты вольнонаемному составу на 3–4 месяца¹²¹. Начальник другого лагерного пункта Лисовец регулярно брал на лагерной кухне пищу для откорма личных свиней, а повара из-за угодуничества вместо отходов давали ему пищу, предназначенную для заключенных. Всё это приводило к недовольству лагерного населения и массовому отказу от работ. Начальник Барковского лагерного пункта Гуца был в прошлом судимым и характеризовался чекистами как „пьяница и разложившийся тип – пользуясь своим служебным положением, понуждает подчиненных к сожительству”¹²².

¹²⁰ Там же, д. 9, л. 83.

¹²¹ Там же, д. 50, л. 34.

¹²² Там же, л. 52.

Условия труда заключенных и персонала

Организация труда на строительстве была неудовлетворительной. Неуконплектованность бригад рабочими, систематическая переброска отдельных бригад с одного места на другое, неподготовленность места предстоящей работы, некомплектность инструмента стали тут обыденным явлением и сказывались на выполнении производственных показателей. При норме выработки 8,65 м³, средняя норма выработки на октябрь 1939 г. составляла 4,42 м³. Проблемы с орудиями труда (низкое качество лопат, недостаточное количество вагонеток) приводили к многочисленным простоям бригад¹²³.

Основными причинами невыполнения плана по искусственным сооружениям в 3-м квартале 1939 г. были названы неудовлетворительное снабжение цементом и опалубным лесом, вследствие чего систематически срывается бесперебойная кладка бетона и опалубка монтажных работ. Срыв плана по заготовке стройматериалов был следствием недостаточного выделения рабочей силы на карьеры, слабой квалификации рабочих, работающих в карьерах, неполноценное использование механизмов и недостаточное руководство карьерными работами как администрации карьеров, так и технических руководителей¹²⁴.

3-й отдел систематически информировал руководство и политотдел строительства, а также вышестоящие органы о всех срывах производственной деятельности лагеря и дефектах на протяжении 1939–1940 гг. Позднее начальник 3-го отдела Писклин отмечал, что если бы руководство правильно реагировало на чекистскую информацию, то „могло сэкономить на производстве миллионы рублей и, в значительной части, эта экономия имеется в действительности”¹²⁵.

В начале мая 1939 г. 3-й отдел направил руководству обширную информацию руководству строительства о приписках работ – так называемой „туфте”, которые грозили срывом работ, колоссальными убытками, затяжкой строительства и разложением лагеря. Виновники приписок были отданы под суд¹²⁶.

В августе 1939 г. гласным аппаратом 3-х частей была проведена проверка по всему строительству состояния и работы механизмов. Результаты проверки были заактированы и доложены чекистами на совещании хозяйственников. Эта проверка показала, что механизмы используются далеко не полностью, что целый ряд механизмов простаивает и т.п. В связи с этим, а также на основе агентурных материалов было начато следствие против „вредителей” Пшеничного (1-е отделение) и Головань (5-е отделение). В процессе следствия было установлено, что в безобразной работе механизации виновны и работники конторы механизации во главе с Пиярским. Чекистов возмущал тот факт, что Пиярский взял под защиту Пшеничного и Головань, предупредив их о проверке по телефону, а также сотрудника 2-го отделения Неделько. Причем делал это Пиярский для того, чтобы якобы избежать ответственности. В ноябре 1939 г. начальник 3-го отдела Писклин докладывал

¹²³ ГАВО, ф. 805, оп. 1, д. 9, л. 82.

¹²⁴ Там же, л. 83.

¹²⁵ Табірний пункт та будівництво НКВД СРСР № 211: в’язні та охоронці, [w:] *Реабілітовані історією...*, с. 376.

¹²⁶ Там же, с. 377.

материалы на Пиярского начальнику строительства Ф.А. Леонюку и начальнику политотдела Бочарову. Леонюк пообещал снять Пиярского с работы, но последний долгое время ещё продолжал работать, а по сводкам чекистов – „бездействовать”. В связи с проверкой отдела технического снабжения „всплыл ещё ряд моментов, указывающих на исключительное неблагополучие в работе конторы механизации”, после которых Пиярский в начале 1940 г. всё же был уволен¹²⁷.

28 октября 1939 г. начальник политотдела Бочаров рапортовал начальнику политотдела ГУЛАГ НКВД СССР бригадному комиссару Васильеву, что строительство 211 к зимним условиям не подготовлено. В отделениях нет полностью подготовленных для зимы помещений не только для заключенных, но и для военизированной охраны. В отделениях и на дистанциях отсутствует минимальный запас дров. Для отопления бараков и приготовления пищи заключенным из-за отсутствия дров в отдельных лагерных пунктах расхищается строительный лес, растаскиваются деревянные нежилые помещения, снимаются нары в жилых бараках и сжигается суррогатная обувь. На многих дистанциях, лагерных пунктах из-за отсутствия дров систематически не топят печи в бараках. С наступлением дождей в бараках образовалась сплошная грязь, имеющиеся бани на лагерных пунктах были не приспособлены к работе в зимних условиях, хотя и осенью работали с перебоями. Антисанитарное состояние бараков вызвало рост вшивости среди заключенных. Имеющиеся в отделении стационары не отеплены, сушилок для сушки мокрой одежды заключенных не было¹²⁸.

По состоянию на 27 октября 1939 г. на 2-м лагерном пункте 6-го отделения из 6 палаток была отеплена только 1, в неотепленных палатках в ночное время заключенные вынуждены были разводять костры для личного обогрева. На 13-й дистанции в 3-м отделении „барак для работающих стахановскими методами труда” не отапливался, крыша текла, в бараке было так холодно, что заключенные-стахановцы были вынуждены на ночлег разбегаться по другим баракам¹²⁹.

Катастрофически не хватало зимней одежды и постельных принадлежностей, из-за чего многие заключенные были вынуждены спать на голых нарах, не раздеваясь и не снимая обуви. По состоянию на конец октября 1939 г. на лагерном пункте 3-й дистанции 1-го отделения из числа 730 заключенных бушлатами и телогрейками обеспечены лишь 60%, летними брюками – 61% и нательным бельем – 50%. На 5-й дистанции 1-го отделения из числа 536 заключенных обеспечены ватными брюками – 25%, летними – 50%, гимнастерками – 90%, бушлатами и телогрейками – 75% и постельными принадлежностями – 76%¹³⁰.

В декабре 1939 г. отмечалась „поголовная вшивость” в лагере, причиной которой было отсутствие нательного белья и нательного обмундирования. Некоторые заключенные по месяцу не проходили санитарной обработки и не меняли нательное

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ ГАВО, ф. 805, оп. 1, д. 9, л. 84.

¹²⁹ Там же, л. 84-85.

¹³⁰ Там же, л. 85.

белье. Из-за отсутствия дров санобработка в лагере проводилась нерегулярно – вместо положенной 3 раза в месяц, проводилась один раз. Недостаточно отапливались и жилые помещения заключенных, что вызывало недовольство заключенных и сказывалось на выполнении плана¹³¹.

В марте 1940 г. жилые бараки лагерного участка на 4-м строительном участке не отапливались более двух недель. Пища готовилась несвоевременно, а на Барковском лагерном пункте был случай, когда пища не готовилась в течение 2-х суток. Это происходило из-за отсутствия дров, поэтому заключенные при попустительстве вольнонаемных работников были вынуждены разбирать часть жилых барачных и жечь их, на дрова пускали также строительный лесоматериал. Начальник 4-го строительного участка Эпштейн вместо обеспечения пунктов дровами приказал рубить колхозный лес¹³².

Несмотря на приказ НКВД, запрещающий посылать расконвоированных заключенных за пределы трассы, руководство строительных участков систематически посылало заключенных в населенные пункты, в частности в Жмеринку, что часто приводило к „проматыванию лагерного имущества”¹³³.

Чекисты неоднократно отмечали, что „на выполнение производственного плана и рост производительности труда во многом влияет ненадежность питания заключенных на ряде лагпунктов, наличие отдельных фактов приготовления недоброкачественной пищи и отсутствие дифференцированного питания”. Так, например, 1 августа 1939 г. на 18 дистанции для заключенных был приготовлен гороховый суп, в котором была обнаружена масса червей. О недоброкачественной пище был составлен акт, а обед уничтожен. Сама же бригада осталась без обеда¹³⁴.

В конце июля 1939 г. в 1-м отделении по вине инженера по искусственным сооружениям Броха бригада заключенных в количестве 26 человек в течение 3-х дней не обеспечивалась пищей, а на 4-й день был наконец-то приготовлен обед из протухшей рыбы. Заключенные есть его отказались и прекратили работу¹³⁵.

Политические настроения персонала

Чекисты неоднократно пытались инициировать различные комиссии по проверке производственной деятельности строительства, но хозяйственники-руководители шли на это очень неохотно, прямо заявляя сотрудникам 3-го отдела: „Вы создаете различные комиссии для привлечения к ответственности низовых работников, а потом доберётесь и до нас”¹³⁶.

Хозяйственники прекрасно понимали, что несмотря на „береговую оттепель” они по-прежнему находятся под пристальным наблюдением чекистов, готовых

¹³¹ ГАВО, ф. 805, оп. 1, д. 224., л. 6.

¹³² Там же, д. 50, л. 52.

¹³³ Там же.

¹³⁴ ГАВО, ф. 805, оп. 1, д. 9, л. 83.

¹³⁵ Там же, л. 84.

¹³⁶ Табірний пункт та будівництво НКВД СРСР № 211: в'язні та охоронці, [w:] *Реабілітовані історією...*, с. 377.

в любую минуту „сострять” против них уголовное дело. И действительно, в информационных сводках 3-го отдела львиная доля отводилась именно политическим настроениям персонала, а не заключенных. Следует отметить, что высказывания работников лагеря подчас очень точно характеризовали политическую обстановку в стране и мире. Познакомимся с наиболее интересными из них.

Заместитель начальника механизации 2-го отделения Неделько, комментируя заключение советско-германского договора о дружбе, заявил, что „СССР давно договорился с Гитлером о совместном покорении всей Европы и чем дальше, тем сильнее будут разгораться военные действия в Европе”, а по поводу вероломного нападения Красной армии на Польшу сказал: „Вот тебе и не одной пяди чужой земли не хотим, а на совсем ослабевшее государство войной пошли, да ещё стараемся обязательно установить свою власть”.

Начальник отдела нерудных материалов инженер Полицук по поводу выступления по радио наркома иностранных дел В.М. Молотова высказал следующее мнение: „Наше правительство давно сговорилось с Германией о разделе Польши, а поэтому выступление Молотова было уже заготовлено давно. Какие там братья украинцы и белорусы, просто наше правительство хочет захватить территорию, принадлежащую ранее России”. Мнение Полицука поддержал заместитель начальника отдела нерудных материалов Смагринский: „На кой черт нам нужна Белоруссия и Украина? Своей земли девать некуда, а наши ещё в войну ввязываются! Вот пойдём войной на Польшу, а нас Франция и Англия разобьют. Впору хоть бежать. Семью перебросил бы на Урал, да пассажирские поезда не ходят”¹³⁷.

Тот же Неделько по вопросу о присоединении новых земель к СССР „высказал следующую антисоветскую клевету”: „В связи с тем, что Советское правительство будет проводить в Западной Украине и Западной Белоруссии свои мероприятия, неизбежно возникнет масса эксцессов, так как там прекрасно знают, что у нас люди живут намного хуже и беднее, чем там”¹³⁸.

Инженеры и техники строительства ездили в Западную Украину в служебные командировки и скупали там вещи по невиданно низким для них ценам. Рассказы вернувшихся командированных фиксировались как „антисоветские, прославлявшие богатую и зажиточную жизнь в бывшей Польше”. Так, например, инженер автотранспортной колонны Гавриш заявил, что „купил часы за 150 рублей, которые у нас стоят 400–500 рублей. Там порядка больше, чем у нас и народ имеет прекрасный внешний вид. Везде наблюдается вежливость, гимназисты ходят в форменных мундирах”¹³⁹.

Трезвомыслящие советские инженеры прекрасно понимали, что ждёт население воссоединенных земель в недалёком будущем. Так, уже упоминаемый Полицук заявил:

Сейчас они конечно рады, навезут им керосину, мануфактуры и прочих товаров, а вот пройдёт полгода, тогда они увидят настоящую жизнь, когда за керосином очередь, за маслом очередь, за паршивой мануфактурой очередь. А как оплачивается труд? Инженер получает

¹³⁷ ГАВО, ф. 805, оп. 1, д. 93, л. 92–93.

¹³⁸ Там же, д. 9, л. 102.

¹³⁹ Там же.

лишь на пропитание своей семьи, а если он захочет сносно жить, то он должен работать в нескольких местах в день [...] С выборами депутатов у них занятно получается, дадут бюллетень, в котором написана одна фамилия, а в скобках напишут „остальных вычеркнуть”. Вобщем, комедия получается, мы то привыкли уже ко всему этому, а им то странно покажется¹⁴⁰.

Инженер управления строительства М.П. Введенский, прочтя в газете опровержение ТАСС о якобы проводимой советизации прибалтийских стран в связи с заключением договоров Советского Союза с Латвией, Литвой и Эстонией, сказал: „Нет дыма без огня. Раз опровергают, то очевидно какие-то планы у советского правительства есть”¹⁴¹.

Нападение СССР на Польшу вскрыло крупные недостатки в подготовке рабоче-крестьянской Красной Армии, что заметил инженерно-технический состав строительства.

Я потерял веру в Красную Армию. Я думал, что наша армия действительно организована и всем снабжена, а в действительности позор какой-то. Ко мне на работу приехала машина с военными, которые стали просить бочки для горючего. Я дал им 3 старые бочки. Ведь это стыд, что у них нет даже бочек для горючего. Что было бы, если бы началась настоящая война?¹⁴².

Военные перевозки советских войск через Винницу на территорию Польши значительно сократили движение пассажирского транспорта, на что главный бухгалтер отдела особого строительства Манусевич язвительно заметил: „Войны настоящей не было, а уже транспортная разруха дала себя знать, в случае настоящей войны транспорт подведёт. Ничего в СССР хорошего нет, только много говорят и пишут о хорошем. Что же будет в случае настоящей войны?”¹⁴³.

По результатам „антисоветских высказываний” инженера Полицука 3-й отдел начал проводить следствие, получив указание начальника политотдела старшего политрука Бочарова привлечь его к уголовной ответственности¹⁴⁴, но удалось ли его привлечь к суду, мы пока не установили.

Политический контроль

Последний факт красноречиво свидетельствует о том, что, несмотря на, казалось бы, всеилие чекистов из 3 отдела, главенствующую роль в политическом контроле за персоналом и заключенными, а также в руководстве репрессивной политикой играли политотделы. Ярким примером тому является инструкция начальника политотдела Бочарова за ноябрь 1939 г., согласно которой внеочередные политические донесения предоставлялись ему в следующих случаях:

¹⁴⁰ ГАВО, ф. 805, оп. 1, д. 9, л. 104.

¹⁴¹ Там же, д. 93, л. 92–94.

¹⁴² Там же, д. 9, л. 104.

¹⁴³ Там же, д. 93, л. 92–94.

¹⁴⁴ Там же, д. 9, л. 105.

1. Антипартийные, антисоветские, антисемитские, контрреволюционные вылазки, выступления и высказывания.
2. Самоубийство, попытка к самоубийству и явно умышленные членовредительства.
3. Коллективный отказ от исполнения приказаний, отказ от принятий пищи и массовое отравление.
4. Грубое нарушение несения караульной службы (сон дежурного наряда, уход с поста дежурного наряда, пьянство на посту, хищение государственного имущества, умышленная порча государственного имущества).
5. Коллективный побег заключенных, побег заключенных при сопровождении их военизированной охраной, а также при нападении заключенных на охрану.
6. Пожар, авария на производстве, повлекшая за собой человеческие жертвы, аварии на производстве, которые вызвали остановку производства на продолжительный срок и нанесла значительный ущерб для государства.
7. Коллективные пьянки и пьянки вообще, сопровождающиеся дебошем.
8. Вредительство на производстве, в боевой технике и в вооружении.

Согласно этой же инструкции устанавливался порядок внеочередных политических донесений и их характер. Внеочередное политическое донесение составлялось политруком или комиссаром ВОХР и предоставлялось в политотдел лагеря и строительства. Политдонесение составлялось немедленно после того, как уже стало известно о происшествии, и отправлялось вне всякой очереди в независимости от результатов расследования. Политрук подразделения, получивший сообщение о происшествии, должен был немедленно принять решение в отношении виновных лиц – или самому вести расследование, или поручить другому лицу, при этом указав срок исполнения. Политдонесение составлялось кратко, с изложением сути дела, обстоятельства и характера происшествия, с указанием в донесении фамилии, имени и отчества, должности, партийной или комсомольской принадлежности, социального происхождения и положения, продолжительности службы в органах НКВД или РККА. В политическом донесении указывалось, что предпринято по данному происшествию, кому конкретно поручено расследование, срок исполнения и меры, принятые по отношению к виновным. В случае пожара или аварии дополнительно указывалось наименование предприятия, агрегата, количество часов простоя, пострадавшие от аварии объекты, предварительная сумма убытков, число человеческих жертв среди подразделений ВОХР, вольнонаемных и заключенных, и их количество со смертельным исходом. Особо следует отметить, что число человеческих жертв указывалось в последнюю очередь! После окончания расследования в случае „отсутствия распоряжений свыше” результаты расследования доносились в политотдел строительства и ИТЛ¹⁴⁵.

10 ноября 1939 г. начальник политотдела лагеря и строительства старший политрук Бочаров констатировал, что в лагерных пунктах отсутствует контроль как за проверкой писем получаемых заключенными „вследствие чего к заключенным

¹⁴⁵ ГАВО, ф. 805, оп. 1, д. 221, л. 41.

попадают письма с антисоветскими выражениями”, так и за исходящими из лагеря письмами, „вследствие чего разглашаются секретные данные строительства и режима”. Были зарегистрированы случаи, когда бесконвойные заключенные получали письма от конвойных заключенных и опускали их в почтовые ящики. Бочаров предлагал немедленно принять меры к „обязательной проверке писем, получаемых и посылаемых заключенными”¹⁴⁶. Вскоре в лагере появились специальные цензоры, которые стали вести контроль за входящей и исходящей корреспонденцией заключенных.

*

Как известно, коммунисты никогда не говорили о том, что делали на самом деле; и никогда не делали того, о чем говорили. Вышеизложенные примеры свидетельствуют о том, что под помпезной вывеской самого передового общества в мире – царстве освобожденного труда, на самом деле скрывались средневековые социальные институты, жизненно важные для самого существования коммунистической системы. Можно согласиться с российским исследователем А.Б. Суловым в том, что социализм в значительной степени строили крепостные и рабы, составляющие значительную часть трудящихся, которых посылали на важнейшие стройки Советского Союза. За постановлениями и приказами партийной элиты прятался цинизм социалистической системы, для которых людские судьбы были только фишками в их политических играх¹⁴⁷.

¹⁴⁶ Там же, д. 169, л. 155.

¹⁴⁷ А.Б. Сулов, *Спецконтингент и принудительный труд в советских пенитенциарных организациях 1930-х годов*, „Отечественная история” 2004, № 4, с. 96.